

сознание активно и ответственно перед прошлым, ибо должно уметь выбрать правильный вопрос к традиции.

Литература:

1. Зеленков, А.И. Диалектика преемственности и адаптивности в развивающихся системах / А.И. Зеленков // Методологические проблемы эволюционной теории. – Тарту, 1984.
2. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г.Риккерт. – Спб., 1911.
3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988.

ВРЕМЯ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Л.И. Мазур, г. Львов, Украина

Представление о пространстве и времени как категориях внутреннего мира человека стало зарождаться еще в античности, но уже начиная с “Исповеди” Августина анализ внутреннего сознания времени ограничен моим собственным прошлым, которое было когда-то было моим настоящим и которое в принципе я могу вспомнить. Времени в виде отсчёта равных интервалов физически не существует. Этот отсчёт – свидетельство человека об изменениях, отличающихся своей цикличностью. Иллюзию течения времени создаёт наша память. Однако природа человеческого восприятия и памяти свидетельствуют о том, что время для меня всегда есть время Другого.

Согласно Платону, процесс зрительного восприятия осуществляется благодаря одновременному истечению световых лучей как из видящего глаза, так и из видимого предмета, причем оба луча сливаются в нечто одно целое, не находящееся ни в глазу, ни в видимом предмете и образующее собой зрительное тело, – синавгию. В комментариях А.Ф. Лосева синавгия лишена каких бы то ни было фактических свойств видимого и видящего: она есть чистый *смысл*, *словами* Платона, *эйдос* [2, с. 419]. Из сказанного следует, что восприятие балансирует на границе с иным, в целостности с ним, например, – замок в двери, дверь в стене, стена в доме и т.д. Именно здесь, на границе с иным, находится область памяти, придающая каждому ощущению качество продолжения в другом. Если восприятие (как и любое действие) означает разрыв, утрату себя, то память, возвращает из состояний потери и забывания, собирает вовне-себя, обретая себя в качестве целого, собирающего различие уходящего и наступающего. Поэтому встреча с иным лежит в основании всего восприятия света, звука, прикосновения, она есть то единственное в своем роде тело памяти, без которого, как считает Платон, не возможно мыслить явление являющегося, воспринимаемый эйдос сущего.

Память удерживает кроме целостности собственного тела еще и взгляд Другого (радикально иного), возвращающий нам наш собственный взгляд, заставляющий видеть себя и ощущать себя под “взглядом” вещей. Другой, будучи местом постоянного лишения, нехватки (согласно Лакану, объектом а, которым чем больше владеешь, тем больше его не хватает), вызывает у субъекта нескончаемый ряд самоидентификаций – саморазличений от Другого и иного, без чего был бы невозможным процесс взаимообмена лишения (дара) и обретения себя. М. Мерло-Понти отмечает, что самоидентификация с Другим делает возможной обратимость: тот, кто смотрит, просматривается, а видимый – сам видит. Говоря словами Ж.-П. Сартра, взгляду не хватает собственной плоти, он требует плоти Другого для своего проявления; взгляд – это липкая субстанция, клей, который образуется между двумя телами в результате обмена касаниями.

Отсюда следует, что память – не хранилище “следов” прошлых восприятий, а представляет собой особое пространство, в котором явление чего бы то ни было совершается и продолжается в Другом, в артикуляции иными действиями и качествами, тем самым обеспечивая непрерывность опыта. То, что проживается как настоящее, как непрерывность чувственного опыта, является необратимостью обмена потерянного и воспринятого как условием обладания собой, собственного бытия во времени.

Мы не можем заново пережить ушедшую в прошлое длительность: речь идет только о возможности переживания себя, о своего рода самоаффектации. В этом отношении совершенно прав Э. Левинас, для которого присутствие Другого в моем прошлом недостаточно, поскольку Другой не просто участвует в определении смысла моего прошлого, дело в том, что прошлое всегда в конечном итоге оказывается прошлым Другого [1]. Время Другого может изменить мое прошлое: сами события изменить невозможно, но можно изменить их смысл. Примером тому служит для Левинаса ситуация быть прощенным, которая не означает возврат к состоянию невинности, – содеянное зло остается, однако процесс очищения означает другое отношение к собственным ошибкам, прошлое “склеивается” уже по-другому, ему придается совсем другой смысл. Так же и будущее, будучи реализацией одной из множества возможностей, зависит от Другого. Следовательно, только отношение с Другим дает возможность связать воедино прошлое, настоящее и будущее.

Смысловое предшествование Другого делает его важнее меня, его близость налагает на меня ответственность не только перед ним, но и за него. “Близость, – как пишет Левинас в “Инобытии, или по другую сторону сущности”, – упразднение дистанции, которую несет в себе “сознание о”, – обнаруживает расстояние диахронии без общего

настоящего, где различие есть прошлое, которое нельзя наверстать, есть невообразимое будущее, не-представимость ближнего, к которому я – одержимый им – навечно опоздал, но где это различие есть мое не-без-различие к Другому. Близость есть сбой времени, доступного для воспоминания” [3, с. 246-247]. Это запаздывание, сдвиг бытия, вызванный тем, что в игру вступает “вне-памятное”, т.е. чужое прошлое, которое никогда не было моим настоящим, обуславливает изменение установки сознания с действия на самого себя. Анализ временных несовпадений держит в постоянном напряжении нравственную рефлексию личности, оберегающую ее самоидентичность.

Опорными пунктами для памяти (времени) выступает пространство коммуникации, в котором происходит самоидентификация как акт предстояния перед Другим. Речь-для-другого является первичной формой интерсубъективного отношения и, согласно Левинасу, сказывание – это всегда ответ Другому, ответственность за него.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что пространство и время интерсубъективны по своей природе, поскольку только непрерывность взаимосвязи себя и Другого, их взаимная самоидентификация предоставляет возможность быть вне-себя, экстернализовать внутренне пространство. Именно Другой делает субъекта открытым новому опыту, новым переживаниям, сопричастным длительности, которая принадлежит скорее будущему, чем настоящему или прошлому. Не случайно, что у Пруста, Фолкнера, Жида, Хаксли межличностное отчуждение порождает расчленение и непрерывное ускользание времени. Без Другого жизнь монотонна и одномерна: нет новизны, да и часы сплющились, искривились, расплавились, потекли, и в них поселились черви, как на картине Сальвадора Дали “Упорство памяти”.

Таким образом, внутреннее сознание времени связано с возможностью изменения Я, разрыва неизменности и неизбежности, освобождением Я от самого себя. Открытость иному (обновление) осуществляется через отношение к Другому (конкретному человеку). Становление личностью происходит через этическое обновление человека, которое связывает воедино его настоящее, прошлое и будущее.

Литература:

1. Левинас, Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
2. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: Ладомир, 1994.
3. Ямпольская, А. Эмманюэль Левинас. Философия и биография / А. Ямпольская. – Киев: Дух і Літера, 2011.